

Столѣтній юбилей Фердинанда Христиана Баура.

Германія любитъ справлять юбилеи своихъ учено-литературныхъ дѣятелей. Она иногда вспоминаетъ о такихъ юбилеяхъ, о которыхъ и въ средѣ нѣмцевъ, пожалуй, рѣдко кто помнитъ. Такъ въ 1890 году какой-то деканъ одного мѣстечка близъ Тюбингена—Шмоллеръ припомнилъ, что въ этомъ году исполнилось трехсотлѣтiе со времени смерти тюбингенскаго канцлера и профессора Иакова Андреэ, ничѣмъ, кажется, особенно неизвѣстнаго (мы лично имѣемъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнiя, потому что его имя фигурируетъ въ сношенiяхъ протестантовъ съ Греками въ XVI в.), и издалъ въ память о немъ: „Двадцать его проповѣдей“, сопровождая это изданiе сердечно составленнымъ биографическимъ очеркомъ вышепазваннаго Андреэ. Такъ нѣмцы относятся къ своимъ учено-литературнымъ представителямъ давнопрошедшаго времени. И это должно быть поставлено имъ въ большую заслугу и похвалу. Образованный народъ тѣмъ между прочимъ и отличается отъ народа необразованнаго, что первый помнитъ и напоминаетъ другимъ о заслугахъ предковъ, ознаменовывая такъ или иначе и юбилейные дни ученыхъ мужей прошедшаго времени.

Изъ числа нѣмецкихъ юбилесвъ, падающихъ на нынѣшній годъ, для читателей „Богословскаго Вѣстника“, полагаемъ, будемъ не безинтересно получить нѣкоторыя свѣдѣнiя о столѣтнемъ юбилей знаменитаго нѣмецкаго церковнаго историка Ф. Хр. Баура (род. 21 iюня (нов. ст.), 1792 г.). Юбилей этотъ прошелъ скромно, даже болѣе чѣмъ скромно, — особенно если сравнимъ это нѣмецкое

празднество съ другимъ такимъ же празднествомъ въ честь знаменитаго же нѣмецкаго церковнаго историка Августа Неандера. Столѣтній юбилей Неандра (со дня его рожденія) справлялся въ 1889 году и вызвалъ множество сочувственныхъ заявленій по случаю этого празднества: произносились рѣчи въ честь воспоминаемаго юбиляра, появилось въ газетахъ и журналахъ (конечно нѣмецкихъ) много похвальныхъ статей, вышли даже отдѣльныя книги, иногда значительнаго объема, посвященныя теплымъ воспоминаніямъ о достоуважаемомъ юбилярѣ. Не такъ справлялся юбилей Баура. Память о немъ, повидимому, начинаетъ угасать, не смотря на то, что онъ умеръ позднѣе Неандера (Бауръ † 1860 г.). Юбилей вышелъ сухъ, жидокъ. Появились въ свѣтъ двѣ небольшія статьи, посвященныя памяти Баура, въ „Протестантской Церковной Газетѣ“, и написанныя Пфлейдереромъ, почитателемъ Баура, и какимъ-то А. Бауромъ, можетъ быть родственникомъ юбиляра; произнесено было въ день столѣтней годовщины историка (21 іюня) нѣсколько рѣчей съ университетскихъ кафедръ: въ Тюбингенѣ, гдѣ профессорствовалъ Бауръ, преемникомъ его по кафедрѣ Вейцеккеромъ, ученымъ, не принадлежащимъ къ послѣдователямъ юбиляра, (рѣчь появилась въ отдѣльномъ изданіи и заключаетъ въ себѣ 22 стр.) и въ Іенѣ двумя профессорами — Адольфомъ Гильгенфельдомъ, ревностнымъ приверженцомъ Бауровыхъ воззрѣній, человѣкомъ престарѣлымъ, и какимъ-то малоизвѣстнымъ въ литературѣ Зейерленомъ, слушавшимъ въ свое время лекціи Баура въ Тюбингенѣ (обѣ послѣднія рѣчи напечатаны въ Zeitschrift für wissen. Theologie, 1892, Heft 2). Очевидно, ораторовъ и писателей, пожелавшихъ восхвалять талантъ и заслуги юбиляра, нашлось немного. Къ сожалѣнію, и это немногое не полностью имѣется въ нашемъ личномъ распоряженіи: не весь этотъ юбилейный матеріалъ у насъ подъ руками. Тѣмъ не менѣе, на основаніи того, что намъ извѣстно стало о юбилеѣ Баура, мы можемъ составлять достаточно точное понятіе, во первыхъ, о Баурѣ, какъ профессорѣ церковной исторіи и соединенныхъ съ нею наукъ; во вторыхъ, о Баурѣ, какъ плодовитѣйшемъ писателѣ, отражавшемъ въ своихъ произведеніяхъ извѣстныя стадіи развитія нѣмецкаго богословія вообще; въ третьихъ, наконецъ, о томъ, какаѣ судьба

постигла такъ называемую бауровскую церковно-историческую школу.

Всѣми этими свѣдѣніями и подѣлимся съ читателями.

Свою профессорскую карьеру Бауръ начинаетъ съ должности преподавателя въ филологическо-теологической семинаріи въ Блаубейренѣ (въ Вюртембергскомъ королевствѣ). Но отсюда онъ скоро (въ 1826 г.) былъ переведенъ съ званіемъ ординарнаго профессора церковной исторіи въ тюбингенскій университетъ, что произошло не только противъ желанія богословскаго факультета въ Тюбингенѣ, но будто бы и помимо его собственной воли. Здѣсь Бауръ оставался профессоромъ церковной исторіи до своей смерти. Правда, въ 1834 году для Баура открывалась возможность занять кафедру богословія въ Берлинскомъ университетѣ по смерти Шлейермахера, къ чему склонялся тогдашній прусскій министръ исповѣданій Алтенштейнъ. Но это намѣреніе министра оказалось неисполнимымъ, потому что въ это время ученикъ Бауровъ Штрауссъ возбудилъ великій соблазнъ своимъ извѣстнымъ сочиненіемъ: „Жизнь Іисуса“.

Какъ профессоръ, Бауръ отличался многими качествами, о которыхъ съ благодарностію вспоминаютъ его непосредственные ученики. Его лекціи были просты и естественны, безо всякаго риторическаго пафоса и дѣланной декламации; онѣ были далеки ото всякаго маперничанья и изысканности какъ въ изложеніи, такъ и интонаціи. Онъ заботился о томъ, чтобы быть понятнымъ для многочисленной аудиторіи. Его чтенія легко было записывать обыкновенному записчику. Въ его лекціяхъ собственное „я“ профессора всегда оставалось назади, уступая мѣсто важности и величію предмета. Того, что обыкновенно называется свободной импровизаціей, нельзя искать у Баура. Онъ читалъ, имѣя предъ собою рукопись, но это однакожь служило къ пользѣ его слушателей. Его тетради и при первоначальномъ изложеніи предмета отличались совершенствами, а при дальнѣйшей обработкѣ достигали все большей и большей научной зрѣлости и по формѣ, и по содержанію. Поэтому, послѣ смерти Баура, многіе отдѣлы изъ его чтеній были напечатаны въ видѣ отдѣльныхъ монографій, наприм. по исторіи догматовъ и пр. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ достоинствъ его лекцій было то, что онѣ отнюдь не были повтореніемъ

его печатныхъ большихъ сочиненій и маленькихъ брошюръ. Его лекціи были нѣчто новое по сравненію съ его же издаваемыми сочиненіями. Несмотря на обширность своей учено-литературной дѣятельности, Бауръ не считалъ лекцій дѣломъ второстепеннымъ и побочнымъ; еще менѣе, онѣ были извлеченіемъ изъ его печатныхъ трудовъ. Нѣтъ, Бауръ хорошо понималъ, что задача академическаго профессора отлична отъ задачи ученаго изслѣдователя; и онъ старался въ равной мѣрѣ удовлетворять этимъ столь неодинаковымъ задачамъ. Его лекціи производили сильное впечатлѣніе на слушателей: онѣ представляли квинтэссенцію всего того, что Бауромъ было раскрыто въ его печатныхъ трудахъ; но онѣ были настолько принаровлены къ потребностямъ слушателей, имѣли такой самостоятельный образъ по сравненію съ печатными его произведеніями, являлись такимъ закругленнымъ цѣлымъ, что онѣ въ своемъ родѣ были столь же совершенны, какъ и его произведенія, назначенныя для печати и представителей науки. Если лекціи Баура отличались отъ его печатныхъ трудовъ и рассчитаны на то, чтобы быть понятными, то отсюда не слѣдуетъ, что его чтенія хоть сколько нибудь были поверхностны. Нѣтъ, и въ своихъ чтеніяхъ съ каѳедры онъ шелъ и вширь, и вглубь. Онъ не думалъ спускаться до уровня своихъ слушателей; напротивъ, онъ хотѣлъ слушателей поднять до той высоты, на какой самъ стоялъ. Его намѣреніемъ не было слишкомъ облегчать трудъ слушателей; напротивъ—кто хотѣлъ вполне обладать содержаніемъ его лекцій, тотъ долженъ былъ напрягать свой умъ, и притомъ напрягать серьезно, и не въ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ случаяхъ, но постоянно: возможность собственнаго своего мышленія отнюдь не устранялась у слушателей. Онъ не дѣлалъ уступокъ этимъ послѣднимъ, но возлагалъ на нихъ немалыя требованія. Вообще слушатель, не обладавшій серьезнымъ предварительнымъ философскимъ образованіемъ, мало выносилъ пользы отъ чтеній Баура; ибо многое здѣсь для такого слушателя оказывалось непонятнымъ. Самый экзамень, которому подвергались у него его слушатели, былъ дѣйствительнымъ испытаніемъ: онъ не падалъ лѣнливыхъ, а прилежные всегда могли рассчитывать на его вниманіе и признаніе ихъ труда. Кто изъ слушателей сближался съ

нимъ и заслуживалъ его довѣріе, тотъ находилъ въ Баурѣ всегдашняго совѣтника во всѣхъ своихъ научныхъ работахъ; онъ покровительствовалъ съ дружественною заботливостію научнымъ начинаніямъ молодыхъ людей. При этомъ онъ не требовалъ отъ молодыхъ людей слѣпаго подчиненія его авторитету; напротивъ, онъ представлялъ имъ полную свободу и возбуждалъ ихъ къ самостоятельности. Онъ не почиталъ стыдомъ для себя даже чему нибудь и учиться у своихъ учениковъ, ибо онъ никогда не воображалъ, что знаетъ все. Вообще онъ очень далеко былъ отъ ученой надутости, отъ стремленія блистать, возбуждать эффектъ и заставляя говорить о себѣ. Въ немъ не замѣчалось подобныхъ слабостей. Ни малѣйшаго слѣда суетности или низменнаго честолюбія отыскать въ немъ было нельзя. Бауръ исполненъ былъ благородной гордости. По той же причинѣ, Бауръ не думалъ о томъ, чтобы создать свою школу изъ своихъ учениковъ; это не соответствовало свойствамъ его натуры. Если же около него образовался кружокъ его приверженцевъ, то это дѣлалось само собой и было результатомъ тѣхъ принциповъ въ наукѣ, какимъ онъ хотѣлъ служить. Необходимо отмѣтить то, что Бауръ былъ натурой самозамкнутой, которая вся ушла въ науку и на академическую профессорскую дѣятельность. Всему, что носило черты агитаторства, вмѣшательства — онъ былъ чуждъ. Онъ держался вдали отъ всего, что непосредственно не касалось его призванія какъ мужа науки и какъ академическаго профессора. — Въ такихъ чертахъ рисуется образъ Баура, какъ профессора.

Юбилейное празднество въ честь Баура, какъ мы говорили выше, заставило почитателей его еще разъ окинуть взоромъ научно-литературную дѣятельность этого знаменитаго историка. Послѣдуя имъ, сдѣлаемъ тоже самое и мы — тѣмъ болѣе, что у нихъ можно находить нѣкоторыя небезъинтересныя указанія на ходъ развитія научно-литературной дѣятельности Баура. Вейцеккеръ, преемникъ Баура по кафедрѣ, называетъ юбиляра по отношенію къ области разработки церковной исторіи первымъ мастеромъ (Meister) текущаго столѣтія въ протестантской Германіи. Это вполне справедливо, если принимать во вниманіе замѣчательную плодovitость Баура, какъ писателя-историка. Первымъ

важнымъ трудомъ, которымъ ознаменовалъ себя Бауръ, какъ писатель, было его сочиненіе: „Символика и мѣологія или натуральная религія древности“ (1824 — 1825 г. Двѣ части). Это произведеніе написано Бауромъ прежде чѣмъ онъ сдѣлался профессоромъ въ Тюбингенѣ. Здѣсь между прочимъ онъ высказалъ слѣдующую мысль, которая стала девизомъ его позднѣйшей научной дѣятельности: „безъ философіи исторія для меня остается вѣчно мертва и нѣма“. Поступленіе Баура въ 1826 году профессоромъ въ Тюбингенъ открывало для него возможность вполне отдаться научнымъ работамъ. Первая стадія научно-литературной дѣятельности Баура стояла въ связи съ теологическими воззрѣніями знаменитаго въ то время Шлейермахера. Въ 1827 году Бауръ издалъ двѣ такъ называемыхъ академическихъ программы, въ которыхъ рѣчь идетъ о христіанскомъ гностицизмѣ и о свойствахъ теологіи Шлейермахера. Пока живъ былъ Шлейермахеръ, Бауръ стоялъ вдалекѣ отъ всякихъ вѣяній духа времени, онъ вполне отдавался научнымъ работамъ. Главнымъ предметомъ его научныхъ занятій въ это время была историческая теологія, при этомъ однакожь онъ не уходилъ въ детали своихъ работъ, памятуя, что частное изслѣдуется для того, чтобъ выяснилось общее — идея, не терялъ изъ виду ни теологіи въ ея цѣломъ, ни идеи науки. Къ этому періоду относится, кромѣ нѣсколькихъ журнальныхъ статей, не столь значительныхъ, его статья, служащая основой для его послѣдующаго пониманія исторіи первохристіанства: „О Христовой партіи въ коринтской церкви, о противоположности петриническаго и павлиническаго христіанства въ древнѣйшей церкви, о апостолѣ Петрѣ въ Римѣ“ (1832). Одновременно съ этимъ появляется въ свѣтъ еще нѣсколько сочиненій Баура: „Аполлоній Тіанскій и Христосъ, или отношеніе пиагореизма къ христіанству“ (1832); „Манихейская религіозная система по источникамъ“ (1831); „Противоположность католицизма и протестантизма“ (1832). Это послѣднее произведеніе имѣло такое значеніе, что министръ исповѣданій въ Пруссіи памѣревался — было вызвать Баура въ Берлинъ, въ качествѣ преемника Шлейермахера. — „Второй періодъ въ научной дѣятельности Баура стоитъ въ связи съ появленіемъ на теологическомъ поприщѣ его ученика Штраусса“. „Эпоху

Штрауссовскаго движенія Бауръ открываетъ слѣдующимъ замѣчательнымъ трудомъ: „Христіанская религіозная философія въ ея историческомъ развитіи“ (1835). Въ томъ же году Бауръ издалъ сочиненіе: „Такъ называемыя пастырскія посланія Апостола Павла“. Въ слѣдующемъ, 1836, году появляется новая работа Баура, подъ заглавіемъ: „Цѣль и поводъ къ написанію Посланія къ Римлянамъ“... Въ 1837 году изъ подъ пера Баура вышла брошюра: „О происхожденіи епископата въ христіанской церкви“. Вслѣдъ за этимъ сочиненіемъ, Бауръ издаетъ очень важныя сочиненія: „Христіанскоо ученіе о Искупленіи въ его историческомъ развитіи“ (1838), и большой трехтомный трудъ: „Христіанское ученіе о Троицѣ и Боговоплощеніи—въ его историческомъ развитіи“ (1841—1843).—Затѣмъ въ дѣятельности Баура различаютъ третій и послѣдній періодъ—когда онъ „становится главой собственной школы“. Открывается этотъ періодъ сочиненіемъ Баура: „Композиція и характеръ Иоаннова Евангелія“ (1844), -- сочиненіемъ, которое сдѣлалось вызовомъ къ борьбѣ противъ господствующей теологіи; эта борьба, по сознанию его почитателей, продолжалась до его смерти. Бауръ съ этого времени начинаетъ съ особенною ревностію пропандировать свои воззрѣнія о рѣшительной противоположности между первоапостольскимъ и павлинистическимъ христіанствомъ. Развитію этихъ воззрѣній служатъ слѣдующія сочиненія его: „Павель, апостоль Іисуса Христа“ (1845) и: „критическія изслѣдованія о каноническихъ Евангеліяхъ“ (1847). Замѣчательно, что почитатели Баура стараются увѣрить насъ, что будто бы взгляды этого историка о рѣшительной *противоположности* первоапостольскаго и павлинистическаго христіанства развились не подъ вліяніемъ Гегелевой философіи (какъ обыкновенно думаютъ), но создались подъ вліяніемъ идей Землера. Неутомимая дѣятельность Баура въ теченіе послѣдняго періода не ограничивалась разысканіями о начальныхъ стадіяхъ христіанства, но и касалась церковной исторіи въ ея цѣломъ. Такъ въ 1852 году появилось его сочиненіе: „Эпохи церковной исторіографіи“: въ 1853 году: „Христіанство и христіанская церковь первыхъ трехъ вѣковъ“; въ 1859 году: „Христіанская церковь отъ начала 4-го до конца 6-го вѣка“. По смерти Баура, его сыномъ

и приверженцами было издано нѣсколько томовъ новыхъ сочиненій Баура, на основаніи его рукописныхъ лекцій, по исторіи церкви средневѣковой и новѣйшей, а также по исторіи догматовъ; но останавливаться на этихъ сочиненіяхъ тюбингенскаго историка не станемъ.—Обзоръ сочиненій Баура, какъ онъ сдѣланъ его почитателями, по случаю его юбилея, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что Бауръ принадлежалъ къ плодovitѣйшимъ писателямъ - богословамъ текущаго вѣка.

Какая судьба постигла школу Баура? Конечно, почитатели знаменитаго историка, празднуя юбилей Баура, не могли прямо отвѣчать на этотъ вопросъ. Точный отвѣтъ на вопросъ состоитъ въ томъ, что школу тюбингенскаго историка нужно считать покончившею дни свои. Такого отвѣта почитатели его не даютъ, но тѣмъ не менѣе, волей не волей, они и сами склоняются къ нему, доставляя матеріаль, изъ котораго слѣдуетъ именно этотъ результатъ. Говоря о Баурѣ, они ставятъ ему въ похвалу, что онъ при жизни нисколько не заботился о томъ, чтобы богословскія кафедрѣ въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ были замѣщаемы его учениками, на что жаловались его ученики. Но почитатели Баура забываютъ при этомъ, что Бауръ ничего такого и не могъ сдѣлать, ибо по ихъ собственнымъ словамъ, „его лучшіе ученики или не допускались на кафедрѣ или были лишены ихъ“. Спрашивается: какимъ же образомъ могъ бы Бауръ „проводить“ своихъ послѣдователей на университетскія кафедрѣ? Впрочемъ важно не это, а другое. Если учениковъ Баура, въ цвѣтущій періодъ его дѣятельности, устраняли отъ кафедръ, то значитъ и тогда воззрѣнія Баура не находили себѣ широкаго круга распространенія. Плохой знакъ для будущности школы. При жизни же Баура появились и другіе признаки, неблагоприятные для успѣховъ школы. Въ 1850 году бывший университетскій коллега Баура Генрихъ Эвальдъ публично заявилъ, что Бауръ по его воззрѣнію—ни христіанинъ, и даже ни лучшій изъ язычниковъ, но одинъ изъ литературныхъ жидовъ, составляющихъ язву бѣдной Германіи. Но самый тяжкій ударъ школѣ Баура нанесенъ былъ въ 1857 году. Въ это время отпалъ отъ Баура одинъ изъ лучшихъ

его учениковъ Альбрехтъ Ричль. Потеря эта сильно печалила самого Баура. Этотъ послѣдній терялся въ догадкахъ, что побуждало Ричля измѣнить своему знамени. Онъ даже рѣшался утверждать, что Ричль поступилъ такъ, чтобы „сдѣлать карьеру“, скорѣе достигнуть ординатуры. Но послѣдствія показали, что Бауръ ошибался. Ричль дѣйствовалъ по убѣжденіямъ; вскорѣ онъ раскрылъ свои воззрѣнія, представлявшія во многомъ прямую противоположность Бауру. А главное — Ричль сдѣлался вождемъ множества нѣмецкихъ богослововъ и заставилъ забывать о Баурѣ. О томъ, насколько Ричль отступилъ отъ Баура, можно судить по церковно-историческимъ воззрѣніямъ извѣстнаго Адольфа Гарнака, который считается его ученикомъ. Вообще случилось то, чего Бауръ никакъ не ожидалъ: еще при его жизни школу его часто называли мертвою. Это глубоко оскорбляло его, и въ годъ своей кончины (1860 г.) Бауръ, выпуская вторымъ изданіемъ свое произведеніе: „Тюбингенская школа и ея положеніе въ настоящее время“, примѣняетъ здѣсь къ себѣ слова апостола Павла: „насъ почитаютъ умершими, но вотъ мы живы“ (2 Кор. 6, 9). Но въ дѣйствительности нельзя не признавать, что какъ, говорятъ противники Баура, онъ „пережилъ свою литературную дѣятельность“, и свою славу. Что же случилось со школой Баура, послѣ его смерти? Сами почитатели этого историка не могутъ скрывать, что дѣла ея пошли плохо. Одинъ изъ нихъ замѣчаетъ, что „протекло лишь половина того періода времени, какой составляетъ одно поколѣніе (а поколѣніе, какъ извѣстно, составляетъ 30 лѣтъ), и сочиненія Баура перестали быть на рынкѣ книжными новостями“; т. е. черезъ 15 лѣтъ по смерти Баура книги его перестали быть предметомъ спроса у книгопродавцевъ. Такъ скоро! А въ настоящую минуту, по сознанію тѣхъ же почитателей тюбингенскаго историка, „слышится много голосовъ, объявляющихъ Баура окончателно похороненнымъ“; дѣло доходитъ до того, что „большинство нѣмецкихъ теологовъ думаетъ, что о сочиненіяхъ Баура слѣдуетъ забыть“. Правда почитатели Баура въ утѣшеніе себѣ говорятъ, что онъ вовсе и не думалъ, что на немъ закончится развитіе теологической науки; но съ другой стороны, онъ, конечно, не

воображалъ, чтобы имя его такъ скоро было предано забвенію.

Если столѣтній юбилей Баура вышелъ очень не блестящъ, то это и понятно: мало найдется ученыхъ въ Германіи, которые искренно могли бы принять участіе въ этомъ празднествѣ.

А. Л—въ.
